

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Юридический факультет
Кафедра истории государства и права

В. А. Томсинов

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В РОССИИ
В ЭПОХУ «ВЕЛИКИХ РЕФОРМ»
(60-е — начало 80-х гг. XIX в.)**

Учебное пособие

Москва
Зерцало-М
2013

ББК 67.3
Т56

Томсинов В. А.

Т56 Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е — начало 80-х гг. XIX в.): Учебное пособие. — М.: Зерцало-М, 2013. — 300 с.

ISBN 978-5-94373-235-5

Настоящее учебное пособие посвящено развитию юридического образования и научной юриспруденции в России в период, охватывающий эпоху «великих реформ» — 60-е, 70-е годы и начало 80-х годов XIX века. В нем рассказывается о подготовке и проведении Университетской реформы 1863 года, разработке нового Общего устава российских университетов, о спорах относительно сущности университета и содержания университетского юридического образования, дается характеристика новой учебной программы юридического факультета.

Кроме того, в учебном пособии рассматривается преподавание юридических наук в Московском и Санкт-Петербургском университетах, в Ярославском Демидовском юридическом лицее, описывается организация и деятельность Московского юридического общества.

Значительная часть содержания предлагаемой книги посвящена развитию важнейших отраслей российской научной юриспруденции в указанный период: наукам государственного, уголовного и гражданского права.

Учебное пособие предназначается для студентов и преподавателей юридических вузов, изучающих и преподающих такие учебные курсы, как «Введение в специальность», «История отечественного правоведения», «История отечественного государства и права». Оно продолжает серию учебных пособий профессора В. А. Томсинова, посвященных развитию юридического образования и юриспруденции в России XVIII века, первой трети XIX века и второй трети XIX века.

ISBN 978-5-94373-235-5

© В. А. Томсинов, 2013

© Издательство «Зерцало-М», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Университетская реформа 1863 года и перемены в содержании университетского юридического образования	11
§ 1. Разработка нового Общего устава императорских российских университетов	11
§ 2. Дискуссия о сущности университета. Записка И. Е. Андреевского «О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях»	20
§ 3. Дискуссия по вопросам внутренней организации университета	27
§ 4. Дискуссия о содержании университетского юридического образования	32
§ 5. Введение в действие нового Общего устава императорских российских университетов. Его значение для дальнейшего развития университетского образования в России	44
§ 6. Университетская организация по Общему уставу императорских российских университетов 1863 года	48
§ 7. Учебная программа юридического факультета по Общему уставу императорских российских университетов 1863 года	61
Глава 2. Развитие университетского юридического образования в эпоху «великих реформ» (60-е – начало 80-х гг. XIX в.)	68
§ 1. Открытие императорского Новороссийского университета	68
§ 2. Юридическое образование в Новороссийском университете в период с середины 60-х годов до начала 80-х годов XIX века	76
§ 3. Открытие императорского Варшавского университета. Преподавание юридических наук в Варшавском университете в период с конца 60-х до начала 80-х годов XIX века	83

§ 4. Преподавание юридических наук в Московском университете в 60-е – начале 80-х годов XIX века	94
§ 5. Преподавание юридических наук в Санкт-Петербургском университете в 60-е – начале 80-х годов XIX века	110
Глава 3. Демидовский юридический лицей в Ярославле	154
§ 1. Преобразование Демидовского лицея в высшее юридическое учебное заведение. Открытие Демидовского юридического лицея.	154
§ 2. Временный устав Демидовского юридического лицея от 3 июля 1868 года	171
§ 3. Устав Демидовского юридического лицея от 25 декабря 1874 года	175
§ 4. Преподавание правовых наук в Демидовском юридическом лицее в 70-е – начале 80-х годов XIX века	180
Глава 4. Московское юридическое общество в 60-е – начале 80-х годов XIX века и его роль в развитии русской научной юриспруденции	191
Глава 5. Развитие научной юриспруденции в России в эпоху «великих реформ» (60-е – начало 80-х гг. XIX в.)	213
§ 1. Введение	213
§ 2. Наука государственного права. А. Д. Градовский, И. Е. Андреевский, Б. Н. Чичерин	219
§ 3. Наука уголовного права. С. И. Баршев, В. Д. Спасович, М. В. Духовской, Н. А. Неклюдов, С. М. Будзинский, А. Ф. Кистяковский, Н. С. Таганцев	241
§ 4. Наука гражданского права. К. Д. Кавелин, С. А. Муромцев, К. И. Малышев, П. П. Цитович, К. П. Победоносцев.	270
Список сокращений	300

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эпоха «великих реформ», охватывающая время с начала 60-х до начала 80-х годов XIX века, составила особый период в истории правовой культуры России. Отмена крепостного права, университетская, земская, судебная, городская реформы, преобразования в армии и в сфере финансов модернизировали общественный и государственный строй Российской империи, оживили юридический быт русского общества, создали более благоприятные условия для развития научной юриспруденции.

В результате крестьянской реформы более двадцати трех миллионов подданных Российской империи получили свободу и соответствующие гражданские права. Освобождение столь большой массы крестьян от крепостной зависимости коренным образом изменило всю социально-экономическую и политическую жизнь России. Преобразования, которые последовали за отменой крепостного права, были во многом предопределены крестьянской реформой¹.

Судебная реформа распространила принцип всеобщей гражданской свободы на суд: он стал самостоятельным учреждением, защищающим права личности, действующим на основе принципов гласности, независимости, состязательности и при этом — с участием представителей от населения (суда присяжных). Земская и городская реформы дали возможность представителям общества участвовать в делах местного управления. В России появилась свобода печати, хотя и в ограниченных рамках.

На развитие юридического образования и юриспруденции в России в эпоху «великих реформ» определяющее влияние оказали два события: принятие 18 июня 1863 года нового Общего устава российских императорских университетов и издание 20 ноября 1864 года

---

¹ См. об этой реформе книгу: Крестьянская реформа 1861 года в России / Составитель, автор предисловия и вступительной статьи В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2012. — 480 с. (серия «Великие реформы»).

основополагающих законодательных актов судебной реформы: «Учреждения судебных установлений» и трех судебных уставов — уголовного судопроизводства, гражданского судопроизводства и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Университетская реформа внесла серьезные изменения в учебную программу юридических факультетов, в содержание университетского юридического образования. Судебная реформа придала новый характер юридической деятельности и существенно повысила практическое значение научной юриспруденции.

Возникшая в русском обществе в результате преобразования судебной системы духовная атмосфера сделала юридическую профессию в высшей степени престижной. Известный адвокат, поэт и литературный критик С. А. Андреевский писал в своих мемуарах о новой обстановке, сложившейся в русском обществе после первых шагов по осуществлению судебной реформы: «Газеты были переполнены отчетами о процессах. Самые незначительные речи приводились целиком. Шумели новые имена. Повсюду между обвинением и защитой происходили публичные состязания в благородстве чувств, в правильном понимании закона и жизни, в остроумии, в блеске фраз и в постижении тончайших изгибов души человеческой... Все дышало возбуждением и поневоле казалось привлекательным. И потому наиболее художественные натуры из всего народившегося, свежего поколения ушли в судебную деятельность. И нужно правду сказать: в судебных речах встречалось в то время более лиризма, психологии и красоты, нежели во всей беллетристике (исключая писателей старшего поколения)»¹.

Статья 202 «Учреждения судебных установлений», изданного вместе с судебными уставами 20 ноября 1864 года, ввела правило, по которому «должности председателей, товарищей председателей и членов судебных мест, в том числе и судебных следователей, а равно чинов прокурорского надзора, обер-секретарей, секретарей и их помощников» могли замещаться «не иначе как из числа лиц, имеющих аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук или о выдержании экзамена в сих науках или же доказавших на службе свои познания по судебной части»². Статья 354 указанного законодательного акта уста-

¹ Андреевский С. А. Книга о смерти. Л., 1927. С. 119–120.

² Учреждение судебных установлений // Законодательные акты судебной реформы 1864 года в России / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2013. С. 28.

новила, что «Присяжными поверенными могут быть лица, имеющие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук или о выдержании экзамена в сих науках, если они сверх того прослужили не менее пяти лет по судебному ведомству в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел, или также не менее пяти лет состояли кандидатами на должности по судебному ведомству (ст. 407), или же занимались судебною практикою под руководством присяжных поверенных в качестве их помощников»¹.

Эти нововведения способствовали возникновению в России устойчивой и довольно многочисленной группы людей, чья практическая деятельность оказывалась тесно связанной с юридической наукой. Георгий Густавович Тельберг писал о них: «Нетрудно учесть, в каком направлении должно было влиять *сформирование этого нового „сословия“* на жизнедеятельность русского юридического знания. Во-первых, это народившееся сословие русских юристов представляло собой в нашем культурном обществе тот слой, который и по своей специальной подготовке и по своей профессиональной деятельности приспособлен был и призван был интересоваться и откликаться на текущие вопросы юридической науки, вчитаться со вниманием и пониманием в развернутую перед ним научную книгу, оценить, усвоить и даже переработать изложенный в ней научный результат. Во-вторых, такой судебный деятель, вооруженный знанием и пониманием права, получал возможность не только в своей практической работе руководиться указаниями науки, но — что еще важнее для науки — мог содержание своей профессиональной деятельности перерабатывать в научный опыт и наблюдение, мог из своей практической работы выжимать такой материал, который служил для него основой научного исследования и научного вывода; одним словом, судья, прошедший школу юридического образования, становился проводником *практики в науку*, за судейским столом он был не только судьей, но и ученым наблюдателем, которому близость в жизни обеспечивала богатый и постоянно свежий материал, а пройденная им юридическая школа давала в руки средства для оценки и переработки этого материала. Здесь уместно будет припомнить, что ст. 202 имеет, в сущности, более широкий и глубокий смысл, чем простое требование юридического диплома при

---

¹ Учреждение судебных установлений // Законодательные акты судебной реформы 1864 года в России. С. 49.

определении на службу: от судьи потому требуется диплом, что он должен им оставаться всегда, сохраняя и совершенствуя на службе свое юридическое образование»¹.

Отсутствие в России в предшествовавшую эпоху «сословия русских юристов» являлось одной из причин медленного развития отечественного правоведения. На это обстоятельство обращал особое внимание А. Ф. Кистяковский, который, выступая в сентябре 1880 года на заседании Киевского юридического общества, говорил: «И в самом деле, как было пустить широкие корни, развиться и процвести нашей теоретической юриспруденции? Судебного сословия, в обширном смысле этого слова, не было; не было ни судей, ни прокуроров, ни адвокатов с теоретически-юридическим образованием. Об исключениях я не говорю. Кто у нас были кандидатами в судьи и самыми судьями? Люди самых различных званий, состояний и образования, только не юристы, — последние за редким исключением. Наши магистраты и ратуши, судившие дела купцов, состояли из купцов и мещан, конечно, понимавших свою торговлю и свои ремесла, но не имевшие никаких юридических знаний, даже в виде простого знания статей Свода законов. Наши уездные судьи состояли из дворян, проходивших большею частью военную карьеру, и из сельских обывателей, сведущих только в земледелии. Наши уголовные и гражданские палаты были замещаемы такими же специалистами, как и уездные судьи и магистраты. И, наконец, Сенат, этот высший апелляционный, ревизирующий и кассирующий суд, был замещаем и замещен лицами, проходившими всевозможные карьеры: административные, военные, технические, педагогические — и только редко юридические. Словом, отставной прапорщик был естественным кандидатом в члены или председатели уездного суда, полковник или штаб-ротмистр, или ассессор губернского правления, или чиновник особых поручений при каком-нибудь правлении, считали себя естественными кандидатами в председатели или члены палат. Начальник дивизии, боевой генерал, губернатор, директор — положим — горного департамента министерства финансов, составляли ту среду, из которой выбирались кандидаты в сенаторы и из которой Сенат, судящий гражданские и уголовные дела, наполнялся... Вследствие того, что для занятия должности судьи и для судебной деятельности отнюдь не требовалось юридического образования и даже вообще никаких юридических знаний, конечно, не могло быть никакого

---

¹ Тельберг Г. Г. Влияние судебной реформы на науку права // Судебная реформа / Под редакцией Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. М., 1915. Том 1. С. 362–363.

и запроса на теоретическую юриспруденцию. Так, путем самой жизни, сложилось убеждение, что теоретическое образование для судьи не нужно, что наука юриспруденции — это какая-то схоластика, чем она, не в укор ей, иногда и была, не имея никакого отношения к практической юриспруденции: что она совершенно бесполезна и излишня»¹.

Судебная реформа коренным образом переменяла это положение. Предписанное «Учреждением судебных установлений» требование иметь высшее юридическое образование для занятия юридической деятельностью придало научной юриспруденции значение необходимого условия для надлежащего отправления правосудия. Авторитет юридической науки возрос вследствие этого до небывалой высоты. Правовед С. В. Пахман констатировал в 1882 году в своей книге «О современном движении в науке права»: «Серьезная потребность в юридическом знании, как известно, была признана у нас собственно с весьма недавнего времени, именно, со времени судебной реформы, когда деятельность суда была изъята из области канцелярской тайны и стала доступна гласному контролю общественного мнения. Только с этого времени юридическая наука могла выступить с свойственным ей авторитетом»².

Повышение в результате судебной реформы роли судьи в обществе, качественное изменение содержания судебной деятельности стимулировало развитие научной юриспруденции в России и тем, что сделало юридическое образование очень привлекательным для массы способных молодых людей. По словам Г. Г. Тельберга, «судебная служба, перестроенная судебными уставами на новых основаниях, стала представлять собой одну из заманчивых дорог, которая оттягивала к себе значительную часть вступающего в жизнь молодого поколения. А так как путь к судебной карьере, в виду требования ст. 202, лежал через высшую юридическую школу, то еще в годы подготовки судебных уставов стал наблюдаться в русских университетах наплыв студентов на юридические факультеты; это выражалось не только в увеличении абсолютного числа студентов-юристов, но и в росте процентного отношения их к общему числу студентов университета: так, в 1863 году юристы в университетах составляли треть

---

¹ Кистяковский А. Ф. О значении и цели юридических обществ в правовой жизни нашего общества и об отношении их к судебной реформе. Речь, читанная 6 сентября 1880 г. при открытии осенних заседаний Киевского юридического общества // Журнал гражданского и уголовного права. 1881. Кн. 1. С. 9–10.

² Пахман С. В. О современном движении в науке права. СПб., 1882. С. 67.

общего числа студентов, в последующие годы это процентное отношение все сильнее изменяется в пользу юристов и к 1871 году юридические факультеты собирают больше половины общего числа обучающихся в университетах»¹.

Обе реформы — университетская и судебная — готовились в течение нескольких лет, причем на виду у общества и с участием его представителей. Проекты университетских и судебных уставов выносились на широкое обсуждение. Материалы дискуссий специалистов по различным проблемам университетского юридического образования, судоустройства и судопроизводства публиковались в специальных сборниках, которые рассылались по учебным заведениям и государственным ведомствам. Полемические статьи по этим проблемам печатались в газетах и журналах. Поэтому благоприятное воздействие на юридическую науку имели не только результаты университетской и судебной реформ, но также мероприятия, которые их готовили. **Процесс подготовки этих реформ являлся в сущности своей грандиозной научно-исследовательской работой в области правоведения**, проводившейся ведущими учеными, профессорами университетов, и образованными чиновниками. Данная работа предполагала в первую очередь обобщение исторического опыта развития университетского образования и эволюции судебной системы в России, исследование внутренней организации и закономерностей функционирования западноевропейских университетов, изучение современного судоустройства и судопроизводства в ведущих иностранных государствах, осмысление сущности университета как такового, определение наиболее оптимального для российских условий содержания университетского юридического образования, установление принципов и правил, на которых должна строиться новая судебная система России.

Тесная взаимосвязь университетской и судебной реформ была очевидной. Преобразование суда создавало новые условия для юридической деятельности, которые в свою очередь требовали обновления системы подготовки юристов, модернизации учебной программы юридического факультета. Решить эту задачу, наполнить юридическое образование новым содержанием и призвана была Университетская реформа 1863 года.

---

¹ Тельберг Г. Г. Влияние судебной реформы на науку права. С. 363.

ГЛАВА 5

РАЗВИТИЕ НАУЧНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ В РОССИИ В ЭПОХУ «ВЕЛИКИХ РЕФОРМ» (60-е – начало 80-х гг. XIX в.)

§ 1. Введение

Учебная программа юридического факультета, предусмотренная Общим уставом императорских российских университетов 1863 года, сохранила закрепленную прежним Университетским уставом ориентацию юридического образования на изучение действующего российского законодательства. Вместе с тем данная программа придала обучению права более широкий характер, направляя его на познание не только действующих в России законов, но и теоретических основ юридических наук и опыта правового регулирования общественных отношений в ведущих иностранных государствах.

Программа преподавания юридических наук, изложенная в Общем уставе императорских российских университетов 1835 года, исходила из понимания научной юриспруденции в качестве совокупности знаний о действующем *законодательстве* и представления о ней как об инструменте для обслуживания законотворческой деятельности и судебной практики. Поэтому предписанные для изучения на юридических факультетах науки назывались «законами» («гражданские законы, общие, особенные и местные», «законы благоустройства и благочиния», «законы полицейские и уголовные», «законы о государственных повинностях и финансах» и т. д.). Предмет же, изучение которого должно было подготовить студентов-юристов к усвоению сведений об отраслях действующего законодательства, именовался «энциклопедией, или общим обозрением системы законоведения», сокращенно: «энциклопедией *законоведения*». История русского права преподавалась как история российского законодательства, что отражалось и в названиях книг, служивших учебниками или учебными пособиями для изучения данного курса¹.

---

¹ Рейц А. М. Ф. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836; Рождественский Н. Ф. Обзорение внешней истории русского законо-

И даже наука римского права была названа в Уставе 1835 года наукой «римского законодательства», а его история — историей римского законодательства.

Перечень кафедр юридического факультета, установленный § 15 нового Университетского устава основывался на понимании научной юриспруденции как совокупности знаний о *праве*. Действующие законы остались объектом изучения, но главным содержанием юридического образования сделалось теперь *познание природы и сущности правовых институтов, закономерностей их функционирования и развития*. Соответственно этому науки, предназначенные Университетским уставом 1863 года для преподавания на юридических факультетах, стали пониматься в качестве знаний о той или иной отрасли права, а именно: «гражданское право», «уголовное право», «полицейское право», «финансовое право». «Энциклопедия законоведения» получила наименование «энциклопедии права», «история российского законодательства» — название «истории русского права». Учебная дисциплина, именовавшаяся в Университетском уставе 1835 года «римским законодательством», была представлена в новом Общем уставе императорских российских университетов как «римское право».

Новое понимание научной юриспруденции проявилось не в одних названиях, но и в содержании отраслевых юридических наук. В нем стала выделяться теоретическая или общая часть: теория государственного права, общая часть гражданского права, общая часть уголовного права.

Закрепленная новым Университетским уставом программа преподавания в российских университетах юридических наук не оставалась в неизменном состоянии на протяжении 60–70-х годов XIX века. Университеты расширяли ее, с разрешения Министерства народного просвещения, добавляя новые предметы — например, торговое право, торговое судопроизводство. Особенно примечательным стало появление в программах юридических учебных заведений таких наук, как всеобщая история права, история философии права, а также курсов лекций по тем или иным отраслям права иностранных государств, как современного, так и действовавшего в прошлые эпохи. Русское правоведение в рассматриваемую эпоху все больше выходило за рамки отечественного законодательства: причем науч-

---

дательства, с предварительным изложением общего понятия и разделения законоведения. СПб., 1849; *Неволин К. А.* История российских гражданских законов. СПб., 1851.

ные исследования русских правоведов стали распространяться не только на современное законодательство иностранных держав, но и на лучшие образцы их правового творчества в прошлом.

Все это означало, что научная юриспруденция стала мыслиться не только в качестве совокупности сведений о действующем праве, но и как система знаний о глубинных закономерностях функционирования правопорядка как такового, о сущности правовых институтов, о юридической природе тех или иных общественных отношений. На правовую науку перестали смотреть как на всего лишь служанку юридической практики — в ней увидели силу, способную направлять развитие этой практики, формировать правопорядок.

Данный поворот в развитии научной юриспруденции произошел не по чьей-либо воле, но исключительно под действием объективных обстоятельств. Огромную роль сыграли в этом развернувшиеся в России в 60-е годы XIX века преобразования в сфере правосудия.

Практическая значимость научной юриспруденции была официально признана главным законодательным актом судебной реформы 1864 года: статьи 202 и 354 «Учреждения судебных установлений» сделали одним из основных условий назначения на должности судей, судебных чиновников и присяжных поверенных наличие у претендентов на них знаний в области юридических наук. Указанные должности могли теперь замещаться лишь теми, кто имел документы об окончании курса обучения в юридических учебных заведениях или доказал в процессе службы, что обладает юридическими знаниями. Это означало, что в самом начале судебной реформы неотъемлемой частью судебной практики была признана юридическая наука.

Для правосудия, организованного на основе принципов самостоятельности, открытости и гласности, для суда самостоятельного, независимого от давления чиновников и богатеев, для судебного процесса, главное содержание которого составляет борьба юридических аргументов, закономерностью является неразрывная связь юридической практики с научной юриспруденцией.

Если суд подчиняется только закону и стремится выносить юридически обоснованные решения, то судебная практика неизбежно сближается с юридической наукой. Выражая эту мысль в своей речи, произнесенной в 1880 году на заседании Киевского юридического общества, А. Ф. Кистяковский говорил: «Теоретическая и практическая юриспруденция, по своему содержанию и по своим целям, суть тождественные отрасли ведения и деятельности человеческой. То, что преподается с университетской кафедры, и что применяется в суде, то, что излагается в ученом трактате, то, что содержится в

судебном решении, то, над чем оперирует, что исследует и стремится понять и осуществить во внешнем мире профессор или ученый юрист, писатель и то, что составляет предмет занятий, исследования и результат деятельности судьи, — все это, по существу своему и по своему предмету, одно от другого ничем не отличается.

Не отличается деятельность юристов обеих этих категорий и по своим конечным целям. Цель ученой юриспруденции или цель преподавательской деятельности профессора и писателя, ученого юриста, вообще способствовать путем обучения, путем печатного слова, раскрытию основных начал справедливости и распространению в сознании специалистов и затем в сознании общества наисправедливейших, наилучших, в данную минуту, идей и способов справедливости человеческой... Тот недостоин имени юриста, кто поставит задачей своей деятельности только один успех внешний, материальный, личный, торжество во что бы то ни стало своей стороны, с забвением начал права, которые, в конце концов, суть начала справедливости; кто с поприщем, посредством уловок, изворотов, софизмов, — того, что совесть человеческая издавна признала справедливым и истинным, силится доставить торжество защищаемой им стороне»¹.

Отрыв научной юриспруденции от судебной практики происходит чаще всего оттого, что судебные дела решаются не по закону, не по справедливости, не в интересах общества, а в угоду чьим-то корыстным интересам. В условиях, когда лица, применяющие законы, заботятся прежде всего о том, чтобы правильно применить законодательные положения, в особой цене оказываются способности понимать и толковать смысл правовых норм, умение найти юридические основания для тех или иных действий или, напротив, обнаружить отсутствие таких оснований, навыки формулирования и аргументации юридических требований или ответов на них. Все эти способности, умения и навыки — все то, что составляет логику юридического мышления и опыт юридической деятельности, дар или талант юриста — вырабатываются в процессе изучения именно теоретического правоведения, научной юриспруденции. Иначе говоря, **в условиях нормально устроенного общества, когда существует государство, в котором соблюдение закона, поддержание правопорядка является высшей**

---

¹ Кистяковский А. Ф. О значении и цели юридических обществ в правовой жизни нашего общества и об отношении их к судебной реформе. Речь, читанная 6 сентября 1880 г. при открытии осенних заседаний Киевского юридического общества // Журнал гражданского и уголовного права. 1881. Кн. 1. С. 2–3.

ценностью, научная юриспруденция имеет в высшей степени практическое значение уже в силу того, что является научной. И чем более она соответствует критерию научности, тем большую практическую пользу приносит государству и обществу.

Эту истину хорошо понимал русский правовед М. Н. Капустин, который, будучи директором Демидовского юридического лицея, выступал против превращения его в сугубо специальное училище, в котором обучение ограничивается изучением только действующего отечественного законодательства и юридической практики. В летописи вверенного ему Лицея он выразил свои мысли о практическом значении юридической науки и соответственно о том, почему настоящее юридическое образование должно строиться на базе научной юриспруденции: «В виду вредных последствий смешения разнородных наук в одной школе полагали возможным достигнуть практического характера юридических училищ, сохраняя за ними значение специальных школ, но ограничивая преподавание в них отечественными законами. Конечно, национальное право составляет весьма важный предмет для юриста. Но не буква закона, не знание статей законодательного кодекса должны быть целью изучения, а способность понять смысл и значение отдельных дробных положений кодекса. Как бы ни было совершенно законодательство, оно никогда не представляет собою последнего слова юридической жизни народа, в нем никогда не сосредотачивается весь материал права. Если юрист ограничится изучением действующих законов, то он не в состоянии будет отнестись к ним свободно, осветить их светом научных начал, внести свою долю в дело их усовершенствования.

Вообще, чем более школа станет преследовать практические задачи, тем беднее будет ее влияние на практику. Время схоластики в праве прошло безвозвратно. Опасение, чтобы наука оторвалась от действительной жизни и замкнулась в отвлеченной теории, не имеет никаких оснований. Научно образованный юрист всегда окажется наилучше подготовленным для практической деятельности; он делается действительно проводником юридических воззрений и в каждом положении закона и жизни будет способен понять юридическую их сторону. Государство, придавая своей школе строго научный характер, тем самым готовит образованных практиков; напротив, понижая научный уровень юридического образования, оно подрезывает в корне возможность будущего роста и науки, и практики. Не в государственном характере школы, а в повороте ее на узкопрактический путь, в недоверии к науке, в утилитарном взгляде на нее и в неправильном понимании ее силы заключается поэтому при-

чина тех сетований, которые высказываются относительно нынешних юридических школ. Университету трудно удержаться на высоте науки, когда от него ожидают и требуют только изложения действующих законов, без их критики и научного анализа, когда он низводится на степень низшей практической школы»¹.

Умаление научной юриспруденции в юридическом образовании, придание ему исключительно практического характера М. Н. Капустин считал особенно опасным в условиях России. «Страна, в которой наука успела пустить глубокие корни и находит себе опору в вековых преданиях и во всем строе народной жизни, имеет достаточно сил, чтобы противостоять принижению школы практическими задачами, — отмечал он. — Но там, где наука не успела еще окрепнуть, где интерес к ней существует еще в зародыше, где легкомысленно требуют от всякого знания только материальной выгоды, — в такой стране практическое направление школы неизбежно убьет слабый, едва пробивающийся росток духовной силы, погасит едва брезжащий свет мысли. Среди молодого неустановившегося общества особенно важно поддержать строго-научный характер высших училищ, укрепить и охранить их от напора случайных требований и задач, положить им в основу твердый камень непреложного знания»².

Эпоха «великих реформ» оказалась в высшей степени благоприятной для развития научной юриспруденции в России. Заметные сдвиги происходили во всех ее основных отраслях: науке государственного права, уголовно-правовой науке и в цивилистике. В острых дискуссиях шло осмысление сущности каждой из этих наук, ее предмета, целей и задач, велась разработка ее системы, наиболее оптимального порядка изложения основных институтов той или иной отрасли действующего права.

Быстрому развитию научной юриспруденции в 60–70-е годы XIX века способствовало появление большого количества новых юридических периодических изданий, среди которых наиболее авторитетными были: «Журнал Министерства юстиции», «Юридический вестник», «Журнал гражданского и торгового права (с 1874 г. — гражданского и уголовного права)», «Вестник Демидовского юридического лицея», «Сборник государственных знаний». Эти издания стали ареной, на которой сталкивались между собой противополож-

¹ Капустин М. Н. Летопись Демидовского юридического лицея с 15-го августа 1871-го по 15-е августа 1872-го года // Временник Демидовского юридического лицея. 1872. Кн. 3. С. 88–89.

² Там же. С. 89.

ные мнения по тем или иным вопросам правоведения, разбирались правовые доктрины, подвергались критическому анализу юридические произведения. Тем самым создавались условия для того, чтобы медленное течение научной мысли превратилось в бурлящий поток идей, без которого никакая наука не может достигнуть своей зрелости.

§ 2. Наука государственного права. А. Д. Градовский, И. Е. Андреевский, Б. Н. Чичерин

В учебной программе юридического факультета, предусмотренной Общим уставом императорских российских университетов 1835 года, наука государственного права выступала под названием «российских государственных законов». В ее содержании выделялись законы основные, законы о состояниях и государственные учреждения. Все они должны были преподаваться по кафедре энциклопедии законоведения¹.

Согласно Университетскому уставу 1863 года, на юридическом факультете создавалась кафедра государственного права, в рамках которой должны были читаться лекции по теории государственного права, государственному праву важнейших иностранных государств и русскому государственному праву². Таким образом, содержание науки государственного права было существенно расширено: оно перестало ограничиваться сферой только российских государственных законов, но распространилось и на иностранные государственные законы. С другой стороны, составной частью этой науки стали теоретические знания о принципах и основных институтах государственного права: о понятии государства и его элементах, о формах правления, о структуре государственного управления, о правах и обязанностях граждан. Эти знания не были оторванными от практики умозрительными, абстрактными истинами, наполнявшими западноевропейское государствоведение XVIII – начала XIX веков. Они представляли собой результат обобщения сведений о государственном строе различных стран и эпох. Неслучайно вместо названия «теория государственного права» российские правове-

¹ Общий устав императорских российских университетов. 26 июля 1835 г. // 2-ПСЗРИ. Том 10. № 8337. С. 843.

² Общий устав императорских российских университетов. 18 июня 1863 г. // 2-ПСЗРИ. Том 38. № 39752. С. 623.